

О СПЕЦИФИКЕ ИСТИНЫ В ПРАВЕ

Ефим МОХОРЕА, доктор, профессор,
Ион БУЗИНСКИЙ, преподаватель,
факультет права,

Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо

Rezumat: *Articolul de față este consacrat analizei noțiunilor „adevăr obiectiv”, „adevăr material” care, uneori, în cercetările juridice, se prezintă ca noțiuni identice. Se subliniază necesitatea de a distinge aspectele logico-gnoseologic și axiologic în cercetarea fenomenelor juridice. Autorii demonstrează că adevărul material, aplicabil în teoria și practică procedurii penale, este o specie a adevărului clasic aristotelic (gen proxim) denumit adevăr obiectiv sau adevăr-corespondență.*

Cuvinte-cheie: *adevăr obiectiv, adevăr-corespondență, adevăr material, adevăr formal, valoare, enunț descriptiv, judecată, judecată (propoziție) de valoare, drept procesual penal, faptă prejudiciabilă, faptă penală, infracțiune, normă juridică.*

Введение

В обыденном познании и в научных исследованиях люди без специального образования, а также учёные, преподаватели вузов и школ используют понятие «истина».

Истина была и продолжает оставаться важнейшей ценностью во всех областях профессиональной деятельности – экономической, политической, медицинской и др. Она также является фундаментальным понятием для юридической (научной, педагогической и практической) деятельности – в разработке, принятии, интерпретации и применении законов для разрешения конкретных дел (следователями, прокурорами, судьями и др.).

За более чем три тысячелетия своей истории в философии сформировалось, по мнению специалистов, около двадцати концепций и теорий истины (корреспондентская, когерентная, прагматистская, семантическая, конвенциональная, онтологическая, дефляционная и др.).

В юридической теории и практике используется как общее понятие истины, так и специальные понятия *материальной* и *формальной* истин. Отдельные авторы предлагают ввести для процессуального права (уголовного, гражданского и др.) понятие *судебной истины*. Понятие истины для судопроизводства весьма важно, так как без установления истины о противоправном событии невозможно решение дела в судебном процессе (уголовном, гражданском и др.). Не будет преувеличением сказать, что истина должна присутствовать во всех областях и на всех уровнях познавательной деятельности в юриспруденции.

Данная статья посвящена выявлению специфики истины в праве, в частности, соотношению *объективной* и *материальной* истин в уголовном судопроизводстве.

1. Классическое понятие истины в философии

Из научной и учебной литературы разных стран мы узнаём, что *истина является фундаментальной категорией, что поиск истины и есть цель философии и любой науки*. Знакомясь, например, с работами, изданными во Франции, мы убедились, что образованная часть населения этой страны знакома (по программам лицеев, колледжей и университетов) с основными теориями истины. Во многих французских толковых словарях, учебниках, научных статьях и т.д. истину определяют либо как *суждение, соответствующее его объекту* (тогда говорят об истине-соответствии, т.е. корреспондентской истине), либо как *непротиворечивое суждение* (тогда говорят об истине-когерентности или формальной истине). При этом *универсальный характер истины* отличает её от *мнения*, которое всегда является *частным*. С теоретической точки зрения, истина противостоит *заблуждению* и *иллюзии*. Она имеет также *практическое* значение: *правдивость* и *искренность* означает высказывание *правды*, которая (в данном случае) противостоит *лжи*. Также отмечается, что для достижения истины необходимы определенные *критерии*, чтобы отделить её от *не-истины* (т.е. того, чем она не является). Когда истина познает себя, читаем далее, этим критерием является *очевидность*. Но

часто истина остаётся «скрытой». Поэтому, если она не дана в «откровении», как в религии, она должна быть открыта и *доказана*. С изложенным выше, отмечается во французских учебниках, не все согласны, например, *скептицизм* считает, что истина недоступна познанию.

Иначе иногда обстоят дела в постсоветском, «немарксистском» мировоззренческом пространстве. Так, известный российский специалист в области гносеологии и методологии научного познания А.Л. Никифоров отмечает появление в зарубежной и отечественной философской литературе последних лет множества работ, говорящих о ненужности понятия истины при обсуждении проблем познания. Он пишет, что отказ от понятия истины подрывает основы рационального рассуждения и дискуссии, уничтожает различие между знанием, мнением и верой, не позволяет понять историю познания и вообще лишает смысла познавательную деятельность. Важно и нужно, отмечает он, исследовать разнообразные факторы, релятивизирующие результаты познавательной деятельности, но все такого рода исследования сохраняют смысл лишь до тех пор, пока мы – явно или неявно – сохраняем классическую идею истины. Это становится совершенно очевидно, если попытаться представить себе, что однажды мы всерьез и полностью отказались от понятий истины и лжи. По-видимому, это сразу же приведет к разрушению центрального ядра нашего мышления – *логики*.

Далее, пишет А.Л. Никифоров, если мы отказываемся от понятия истины, то мы теряем способность отличать правильные выводы и рассуждения от неправильных. Таким образом, например, лишается смысла судопроизводство: речи обвинителей и защитников становятся пустой болтовней, а вердикт присяжных «Виновен» или «Невиновен» уже не опирается на их убеждение в том, что подсудимый действительно совершил или не совершал инкриминируемое ему преступление, а обусловлено только тем сиюминутным впечатлением, которое производит на них обвиняемый [Об этом см.: 4, стр. 46, 47, 48].

Изложенное нами выше приводит к необходимости более подробно разобраться в том, что представляет собой *классическая теория истины*, без которой невозможна серьёзная наука, в том числе, теория и практика уголовного процесса.

Принято считать, что первое в истории философии определение истины принадлежит Платону, который в диалоге «Кратил» словами Сократа утверждал: Тот, *«кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, – лжет»* [5, 385 b, стр. 615]. На самом деле дело обстоит иначе. Как известно, данный диалог посвящен выяснению сущности *имён*. В частности, Сократ говорит о том, что *«у тех имен, которые мы рассматривали, правильность была чем-то таким, что указывало на качества каждой вещи»* [5, 422 d, стр. 659], т.е. *«правильность имени...состоит в том, что оно указывает, какова вещь»* [5, 428 e, стр. 666]. В определенном смысле, речь могла идти о *значении* терминов естественного языка, а не об истинности *высказываний* естественного языка. Платона интересовало то *начало*, которому могут быть *подобны* имена, ибо *«имена так же точно не могли бы стать чему-то подобными, если бы не существовало начал, содержащих какую-то исконную правильность, из которых составляются имена для тех вещей, которым они подражают»* [5, 434 b, стр. 673].

Первую, ставшей впоследствии классической, теорию истины разработал Аристотель.

Во-первых, по Аристотелю, *понятия* не обладают истинностным значением, *истинными* или *ложными* быть не могут, так как они только лишь указывают, обозначают предметы мысли, им присуще всего лишь предметное значение (*логос семантикос*). Например, *дерево, лошадь, человек, прокурор, судья, кража, большой, идёт и т.д.* (т.е. имена существительные, прилагательные, глаголы и т.д.) лишены истинностного значения. Также Аристотель считал, что *«к категории сущности должны относиться только настоящие существительные, а не субстантивированные прилагательные, числительные, наречия и глаголы. В категории сущности недопустимы «красота», ибо реально есть только «красивое», «единство», потому что есть только «единое», «отцовство», потому что реально есть только отец и сын (дочь), «бегство», потому что реален только бег как действие»* [9, стр. 428].

Во-вторых, истинными или ложными могут быть только предложения (т.е. суждения), содержащие как *предмет, объект* мысли – то, о чём сама мысль (т.е. субъект), так и то, что говорится об объекте мысли – *что именно мыслится* (предикат). Например, *дуб (субъект) есть дере-*

во (предикат). Иначе говоря, истинностным значением может обладать только законченная мысль, выраженная в предложении и обладающая определенной *структурой*, в которой *утверждается* или *отрицается* что-либо (*логос апофантикос*). Например, «человек – разумное существо», «обезьяна не обладает членораздельной речью». Сам Аристотель свою теорию истины обосновал на основе критического анализа идей своих предшественников и данных науки своего времени в ряде работ, в том числе, в «Метафизике». Свою задачу он видел, прежде всего, в том, чтобы определить, «*что такое истинное и ложное*»: «*Говорить о существе, что его нет, или о не-существе, что оно есть, – значит, говорить ложное: а говорить, что существе есть и не-существо не есть – значит, говорить истинное*». Что же касается «*сущего в смысле истинного и не-сущего в смысле ложного, то оно зависит от связывания и разъединения..., а именно: истинно утверждение относительно того, что на деле разъединено; а ложно то, что противоречит этому разграничению... Ведь ложное и истинное не находится в вещах, так что благо, например, было истинным, а зло – непременно ложным, а имеется в рассуждающей мысли...*» [2, стр. 141, 186].

В-третьих, истинность – эта характеристика или свойство суждения, (внутренняя) *структура* которого *адекватна*, т.е. строго соответствует, *изоморфна* *структуре* самого объекта мысли, а не наоборот – объект мысли соответствует мысли о нём. Таким образом, «*истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным, а связанное – связанным, а ложное тот, кто думает обратно тому, как дело обстоит с вещами... Не потому ты бледен, что мы правильно считаем тебя бледным, а, наоборот, именно потому, что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим правду*» [2, стр. 250].

В-четвёртых, по Аристотелю, истинными ли ложными могут только дескриптивные, декларативные, т.е. описательные суждения. Высказывания, содержащие *просьбы, приказы, императивы* (запреты или обязательства, т.е. прескриптивные суждения), *вопросы, оценки* и т.п., истинностным значением не наделяются. По этому поводу Аристотель писал, что «*всякая речь что-то обозначает*», но «*не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо; мольба, например, есть речь, но она не истинна и не ложна*» [3, стр. 95]. Таким образом, все вышеназванные высказывания, за исключением *дескриптивных суждений*, могут быть, например, *правильными* или *неправильными* (соответствовать определенным правилам, нормам, идеалам, образцам и т.п.), однако, как того требовал сам Аристотель, они не могут обладать истинностным значением *истина – ложь*.

Многие философы, в том числе И. Кант, неопозитивисты, пост-позитивисты и их последователи, критиковали Аристотелю теорию истины за то, что в ней сравниваются разные по своей природе объекты – *мысли* (идеальное) и *тела* (материальное). Действительно, возникает вопрос о том, как дискурс (речемыслительный акт) может быть «адекватным» (или соответствующим) реальности, которая имеет другую природу, чем дискурс? Для Аристотеля адекватность дискурса и бытия возможна, поскольку существует *изоморфизм* (идентичность *форм*, т.е. способов организации *содержания*) между структурой истинного предложения и онтологической структурой реального объекта.

Как отмечает французский философ *Франсис Вольф (Francis Wolff)*, для Аристотеля адекватность дискурса и бытия возможна, поскольку существует *изоморфизм* между структурой истинного предложения и онтологической структурой реального. Истинное суждение не есть объективно реальное, поскольку последнее внешне ему. Но оно не только соответствует внешнему реальному. Суждение при этом есть истинное воспроизведение, мысленный образ реального. В трактате «Об толковании», Аристотель писал, что истинные высказывания *подобны* вещам. Истинное суждение воспроизводит в своём содержании, в своей логической структуре онтологическую структуру внешнего мира.

Две составляющие истинного высказывания (субъект, «лежащий в основе» того, о чем говорится, и предикат, который о нём говорит по одной из схем предикации) суть образы двух реальностей, составляющих бытие. Структура истинного высказывания, состоящая из субъекта, который может быть назван без того, чтобы о нем кто-либо что-либо говорил, и предиката, о котором нельзя было бы сказать без своего субъекта, воспроизводит структуру состояния реальных вещей, состоящей из двух реальных «существ» (сущностей): того, кто «сам по себе» является тем, что он есть, и того, кто таков только благодаря *другому*.

Таким образом, минимальный элемент любого истинного дискурса (рассказа, выступления и т.п.) – это *сложное* (состоящее из элементов) суждение, предложение, в котором соединяются *предикат* и *субъект*. Истина (а точнее, скажем мы, *истинное суждение*), по Аристотелю, в конечном итоге, отвечает четырем условиям: она находится на уровне дискурса или мысли; она констатирует (или делает известным) то, что есть на другом уровне (бытии); это истина, потому что говорится так, как есть на самом деле; и для этого дискурс составлен из субъекта (подлежащего), о котором истина гласит, и предиката (сказуемого), который говорит о субъекте. Единство этих четырёх тезисов составляют Аристотелю концепцию истины. Они сведены в единую формулу, которую мы назвали *Аристотелевым определением истины*) [Об этом подробно см.: 10, стр. 133-168].

В средних веках, а затем в Новое время концепция истины Аристотеля (она стала называться *корреспондентской*) подверглась модификациям, что отрицательно сказалось на её применения в научном познании.

Завершая обсуждение вопроса, отметим, что Аристотелю также принадлежит разработка теории *умозаключения* («Первая Аналитика» и «Вторая Аналитика»), которая в последствии привела к образованию *формальной* (логической) теории истины; именно она обеспечивает *формальную правильность* рассуждений.

2. Истина в уголовном судопроизводстве

В теории уголовного судопроизводства (России и многих постсоветских республик, в том числе Республики Молдова) установлено, что уголовно-процессуальная деятельность направлена на установление обстоятельств совершённого преступления, т.е. имеет явно выраженный *познавательный* характер. Если считать, что уголовно-процессуальное познание действительно представляет собой *особый вид* познания объективной реальности, то он должен протекать, тем не менее, по *общим* для любой познавательной деятельности законам.

Отметим, что зарубежные правоведы также заинтересованы в постижении истины в процессе судопроизводства. Например, французские юристы в поисках истины (для разрешения уголовных дел) часто опираются на здравый смысл, используя *обыденное* понимание истины. Так, отдельные авторы прямо пишут, что истина в обыденном смысле (по определению французской энциклопедии *Ларусса*) обозначает *«характер того, что истинно», «соответствие между реальностью и человеком, который её мыслит»*. *Это простое объяснение строго соответствует положению судьи, который должен постигать действительность, исходя из доказательств. Эта оценка реальности посредством разума проходит либо через логическое рассуждение, и тогда говорят о формальной истине; или путем непосредственного наблюдения, и тогда говорят о материальной истине. Ради достижения полноты эти два средства получения истины предоставляются магистрату. Однако никогда не следует упускать из виду те связи, которые поддерживаются между истиной, реальностью и авторитетом. В противном случае, это поддержит ложь, которая приводит к нарушению справедливости* [Об этом см.: 11, стр. 1061].

Согласно теории уголовного процесса, познание обстоятельств совершенного преступления происходит путем совершения специальных практических действий и сложных мыслительных операций. Как непосредственные, так и опосредованные знания о преступлении следователь и суд получают, лишь производя разнообразные процессуальные, в том числе, следственные действия, т.е. практическим путем, на основе которых затем путём логических операций получают новое, выводное знание, вскрывающее причинную обусловленность явлений и их связей.

Уголовно-процессуальное познание не ограничивается простым получением знаний. На основе полученных знаний органы расследования и суд принимают исключительно важные решения, поэтому уголовное судопроизводство требует таких знания и таких выводов, которые могут быть проверены. Это означает, что познавательная деятельность в уголовном процессе должна сопровождаться *удостоверением* полученных знаний. Удостоверительная деятельность именуется *доказыванием*. Так как удостоверительная деятельность заключается в сохранении полученных знаний и подтверждении их истинности, то она неотделима от познания *обстоятельств совершенного преступления*.

Сложный процесс установления обстоятельств совершенного преступления отразился на возникновении различных теоретических подходов к определению характера результатов этого познания. В связи с этим в науке уголовного судопроизводства продолжает обсуждаться вопрос об истине, в том числе, в качестве *цели и результата* познавательной деятельности следователя, дознавателя, прокурора и суда.

Как отмечается в специальной литературе, «в УПК Молдовы, хотя и в не совсем явной форме, но достаточно отчетливо закреплена обязанность суда стремиться к установлению объективной истины, а также инициативно действовать и принимать все необходимые меры для достижения означенной цели. Существенно также и указание на то, что суд может осуществлять процессуальные действия по требованию сторон процесса» [8, стр. 153]. В частности, статья 101 УПК РМ «Оценка доказательств» гласит:

«(1) Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения его уместности, существенности, допустимости и достоверности, а все доказательства в совокупности – с точки зрения их сопоставимости.

(2) Представитель органа уголовного преследования или судья оценивают доказательства, сообразуясь со своим внутренним убеждением, основанным на всестороннем, полном и объективном рассмотрении их в совокупности, руководствуясь законом» [См.: 1].

Большинство теоретиков права считают, что объективная истина – это принцип любого публичного уголовного процесса. Поскольку уголовный процесс Республики Молдова имеет ярко выраженный публичный характер, он объективно не может уклониться от цели установления по делу истины, причем в первую очередь истины *объективной* (её ещё называют *материальной*, противостоящей *формальной* в юридическом смысле).

Не прибегая к особым рассуждениям относительно содержания философских категорий и терминов специальных наук, необходимо отметить, что «*требование объективности, всесторонности и полноты исследования обстоятельств дела – это и есть содержание принципа объективной истины... Опасение, что требование достижения объективной истины в судопроизводстве сделает суд сторонником следователя и прокурора, которые также должны стремиться к установлению истины по делу, само по себе напрасно, так как каждый из этих участников процесса добывается истины своими специфическими методами, ограниченными выполняемой им процессуальной функцией*» [6, стр. 64].

Познавая определённые явления природы или общества, исследователи постигают *конкретные* истины. В этом смысле, истина всегда конкретна. Исследуя проблемы истины в уголовном процессе, нельзя «механически» переносить её абстрактно философское понимание в сферу юридических явлений. Как отмечают специалисты, необходимо учитывать особенности познания (доказывания) при расследовании и рассмотрении судом уголовных дел, которые связаны со сроками производства по уголовному делу, субъектами доказывания, источниками доказательств, фиксацией результатов познания.

В континентальном (римско-германском) праве уголовный процесс ведётся с целью установить само *событие противоправного деяния и совершившее его лицо* (конкретную личность). Обстоятельства, при которых произошло противоправное деяние, и виновность привлеченного к ответственности лица должны быть установлены в полном и точном соответствии с реальностью (объективной и субъективной). Установление правонарушения и его совершителя производится для того, чтобы субъект этого деяния был привлечён к ответственности, затем подвергнут по суду заслуженному наказанию.

В соответствии с законом, осуждению и наказанию должно подлежать лишь то лицо, которое действительно совершило правонарушение и лишь в меру его действительной вины. Поэтому в случаях, когда обвинение было (неосновательно) предъявлено невиновному человеку, последнего следует освободить от ответственности, реабилитировать, т. е. прекратить в отношении него уголовное преследование или оправдать его по суду.

Необходимо отметить некоторые различия между философской *онтологией* (учением о реальности вообще) и *юридической онтологией* (учением о бытии в праве). Так, проблемы бытия в философии излагаются преимущественно *объективно*, т.е. без использования *оценочных* суждений. В праве же реальные события рассматриваются через призму действующего

законодательства, т.е. подвергаются правовой *оценке*. Так, например, философ увидел, что по дороге *двигался* автомобиль, а его водитель, возможно, по невнимательности, *разбил* стоявший на обочине мотоцикл. Юрист же в подобном случае, наверное, не просто *опишет* увиденное, а скажет, что водитель совершил *правонарушение*, возможно, *преступление*, предусмотренное конкретной статьёй Уголовного Кодекса, т.е. подверг *оценке* увиденное.

Характеризуя преступление как событие прошлого, о котором на момент расследования можно обнаружить только следы-отражения этого явления, многие юристы уверенно заявляют, что преступление *существует объективно*. В юридической литературе без каких-либо оговорок пишут о том, что уголовный процесс ведется для того, чтобы установить само событие *преступления* и совершившее его (т.е. *преступление*) лицо. Обстоятельства, при которых произошло *преступление*, и *виновность* привлеченного к ответственности лица должны быть установлены в полном и точном соответствии с действительностью. Установление *преступления* и его совершителя производится для того, чтобы *преступника* подвергнуть по суду заслуженному наказанию.

Таким образом, в связи с вышеизложенным, среди задач, решаемых уголовным процессом, является установление истины по уголовному делу, изобличение и наказание совершившего преступление лица и ограждение невиновного человека от неосновательного обвинения и осуждения.

Как отмечается в специальной (научной и учебной) литературе, если преступление в действительности было совершено, то *истина* заключается в *установлении события преступления* в том виде, как оно реально произошло, а также в обнаружении и изобличении с полной достоверностью того лица, которое совершило это преступление.

Из изложенного выше следует вывод, которого придерживаются многие авторы: так как *событие преступления* было в действительности (т.е. объективно), то и знания о нем должны соответствовать ей в той мере, в какой это можно установить. Поэтому полученное знание о событии преступления, считают многие специалисты, следует назвать *объективной истиной*. При этом иногда добавляют, что на эти объективно установленные обстоятельства совершенного преступления (объективную истину) оказывает влияние внутреннее убеждение следователя, судьи, что придает объективной истине *субъективный* оттенок (субъективная истина).

Наряду с термином «объективная истина» в зарубежной (в частности, французской и немецкой), а также в советской и постсоветской юридической литературе продолжает использоваться понятие «материальная истина».

Так, известный процессуалист М.С. Строгович (1894-1984) писал, что из сущности и задач правосудия вытекает требование, чтобы по каждому расследуемому и разрешаемому судом уголовному делу была установлена истина, т. е. чтобы осужден и наказан был действительный преступник, а невиновный человек был освобожден от обвинения, реабилитирован; только тот судебный приговор, в основе которого лежит истина, является законным и обоснованным приговором, актом правосудия [См.: 7, стр. 131-132].

М.С. Строгович отмечал, в соответствии с классической теорией, что истина, устанавливаемая в уголовном процессе по расследуемому и разрешаемому судом делу, есть объективная истина, называемая *материальной истиной*, которую он определял так: «*Материальная истина в уголовном процессе – это полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах, расследуемого и разрешаемого судом дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц*» [7, стр.132, 308].

Так как концепция материальной истины, разработанная М.С. Строговичем, в работах современных специалистов уголовного процесса (России и постсоветских республик) получила различные интерпретации и оценки, то необходимо проанализировать её более подробно.

М.С. Строгович отмечал, что основные факты и обстоятельства, которые должны установить следствие и суд для правильного разрешения дела, – это *событие преступления*, совершение его определенным лицом (обвиняемым) и *вина* последнего. Событие преступления, составляющее предмет исследования по уголовному делу, всегда является прошлым событием по отношению к деятельности следствия и суда: следователь приступает к расследованию дела, а суд – к его разбирательству *после того*, как преступление было совершено, и в их задачу входит установить, какое именно преступление было совершено, при каких обстоятельствах,

кем оно было совершено, по каким мотивам, к каким последствиям привело совершенное преступление, какие обстоятельства способствовали его совершению и т. д. Таким образом, следователь и судьи не могут сами воспринимать, наблюдать исследуемое ими событие преступления и устанавливают все факты обстоятельства преступления посредством определенных источников сведений об его фактах – свидетельских показаний, письменных документов и т. д., которые являются доказательствами этих фактов. Все факты, все обстоятельства дела должны быть доказаны, установлены при помощи доказательств законным и обоснованным приговором, актом правосудия [См.: 7, стр. 131-132].

Обвинение *«может считаться доказанным лишь тогда, когда оно полностью вытекает из обстоятельств дела и ими подтверждается, когда виновность обвиняемого несомненна. Смысл этого положения заключается в том, что обвинительный приговор может быть вынесен только в отношении действительно совершившего преступление лица, и уголовному наказанию может быть подвергнут лишь тот, виновность которого установлена с полной достоверностью»* [7, стр. 132-133]. Таким образом, истина, устанавливаемая по уголовному делу, есть *объективная истина*, в том значении этого понятия, которое придается ему теорией познания: *«соответствие мысли о предмете реальной действительности самому этому предмету в том виде, как он существует независимо от познающей его мысли. Объективная истина противоположается субъективному мнению, представлению, которое истинно только тогда, когда оно правильно отражает объективную действительность, соответствует ей, иначе оно является не истиной, а заблуждением, ложью»* [7, стр. 133].

М.С. Строгович неоднократно повторял, что материальная истина – это объективная истина, что *«теория познания понимает объективную истину как соответствие человеческих мыслей, суждений, представлений о предметах действительности самим этим предметам, каковы они есть в действительности, независимо от воспринимающего их сознания. Истинна только та мысль, которая верно отражает тот или иной предмет, то или иное явление объективной действительности, соответствует ему, согласуется с ним. Поэтому истина всегда есть объективная истина, иначе она не истина, а заблуждение, ошибочно принимаемое за истину»* [7, стр. 308-309]. Иначе говоря, по М.С. Строговичу, объективная истина – это традиционное понятие гносеологии, классическая категория истины – *адекватность*, т.е. строгое однозначное соответствие структур дескриптивного суждения и познаваемого объекта. Далее М.С. Строгович конкретизировал, отмечая, что понятие материальной истины в уголовном процессе есть применение философского общего понятия объективной истины к познанию тех фактов, событий, которые составляют специальную область судебного исследования по уголовным делам: *«Объективную истину, исследуемую, устанавливаемую следствием и судом по уголовным делам, мы называем материальной истиной, чтобы подчеркнуть специфические черты объективной истины в уголовном процессе»*.

Эти специфические черты заключаются в следующем:

1) *объективная истина в уголовном процессе есть истина факта, ее содержание составляет конкретный факт преступного деяния, совершенного определенным лицом в определенное время и в определенном месте;*

2) *эта истина устанавливается только при помощи указанных в процессуальном законе средств, в определенном юридическом, процессуальном порядке.*

Значит, истина, устанавливаемая по уголовным делам, заключается в соответствии выводов следствия и суда объективной действительности, но эти выводы делаются только из тех данных, которые собраны и исследованы в установленном законом процессуальном порядке, облечены в предусмотренные законом процессуальные формы. Соблюдение процессуального порядка, процессуальных форм обязательно для того, чтобы выводы следствия и суда могли быть признаны истинными, но одного этого еще недостаточно: выводы должны быть истинны не формально, а по существу, т. е. материально. Поэтому и говорят о материальной истине в уголовном процессе» [7, стр. 310].

Самый термин «материальная истина» применяется в теории уголовного процесса для того, *«чтобы выразить, что эта истина – действительная, подлинная истина, что выводы следствия и суда истинны тогда, когда они соответствуют действительности. В этом*

смысле понятие материальной истины противопоставляется формальной истине, под которой понимается соответствие выводов следствия и суда различным формальным условиям (например, наличие определенного количества свидетелей, удостоверение того или иного факта определенным документом и т. п.)» [7].

Все возражения против применения термина «материальная истина» по сути дела сводятся к тому, что «истина, устанавливаемая по уголовным делам, есть истина объективная, поэтому ее так и надо называть. Но характер объективной истины в той или иной сфере познания – теоретического или практического – зависит от предмета познания, т.е. от свойств тех предметов, явлений действительности, которые познаются, на познание которых направлено исследование. В одних отраслях науки предмет познания – это закономерности развития определенной сферы явлений действительности – природы и общества (в естествознании, социологии), в других – определенные события, происшедшие в определенных условиях места и времени, и отражение в этих событиях общих закономерностей развития (в исторических науках) В области же уголовного процесса, представляющего собой практическую деятельность, направленную на познание определенных фактов, предметом познания является событие преступного деяния со всеми его существенными чертами объективного (действия, поступки) и субъективного (умысел, неосторожность, мотив и т. д.) характера» [7, стр. 310-311].

Именно событие, «происшедшее в определенное время и в определенном месте, составляет предмет познания в уголовном процессе. Соответствие выводов следствия и суда об этом событии тому, как это событие совершилось в действительности, и есть та объективная истина, на обнаружение которой направлены усилия следствия и суда и без обнаружения которой невозможно правильное разрешение уголовного дела. Именно эта истина называется в уголовном процессе материальной истиной» [7, стр. 312].

Изложенное выше понимание применения М.С. Строговичем классической теории истины (называемой в современной философской литературе *корреспондентской*) применительно к уголовно-процессуальному праву позволяет нам прийти к выводу о том, что материальная истина есть *вид* (разновидность) *объективной истины*, так как наряду с *родовым* признаком (соответствие структуры дескриптивного суждения структуре объекта познания) им перечисляются также определенные (явно или неявно) определённые *видовые отличия* (например, истина устанавливается *только при помощи указанных в процессуальном законе средств в определенном юридическом, процессуальном порядке*).

Таким образом, *материальная истина* (в интерпретации М.С. Строговича и его последователей) в уголовном судопроизводстве есть *вид*, а *родовым* понятием является классическая Аристотелева *абстрактная истина* (*субъективированное* прилагательное «*истинный*»), понимаемая большинством современных авторов как *объективная истина*.

Библиография:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.03.2022 г.). Мониторул Официал ал Р. Молдова № 104-110/447 от 07.06.2003.
2. АРИСТОТЕЛЬ, *Метафизика*. Соч. в 4-х т. Т.1. М.: «Мысль», 1976. 550 с.
3. АРИСТОТЕЛЬ, *Об истолковании*. Соч. в 4. Т.2. М.: «Мысль», 1976. 680 с.
4. НИКИФОРОВ, Александр Леонидович, *Познание и истина: Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография* / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. 413 с. ISBN 978-5-91326-439-8
5. ПЛАТОН, *Кратил*, Соч.: В 4-х т. 1. М., «Мысль», 1990. 860 с. ISBN 5-244-00385-2.
6. СМИРНОВ, Александр Витальевич, КАЛИНОВСКИЙ, Константин Борисович, *Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова*. 4-е изд., перераб. и доп. М.: «КНОРУС», 2008. 704 с. ISBN 978-5-390-00048-9.
7. СТРОГОВИЧ, Михаил Соломонович. *Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса*. М.: Изд. «Наука», 1968. 466 с. 1-Ю-2 67-68 (И).
8. ТРУБНИКОВА, Татьяна Владимировна, *Исследование зарубежных практик в сфере доказывания по уголовным делам*. Ташкент, 2020. 258 с. Программы развития ООН. www.uz.undp.org.

9. ЧАНЫШЕВ, Арсений Николаевич, *Философия Древности. Учеб. для вузов.* М., Изд. «Высшая школа», 1999. 512 с. ISBN 5-06-000992-0.
10. WOLFF, Francis, *La théorie aristotélicienne de la « vérité-adéquation ».* Cahiers philosophiques de Strasbourg, tome 7, 1998.
11. *Le petit Larousse Illustré*, Paris, 2010 (French Edition) Publisher: Larousse Editions. 1186 p. ISBN-10: 2035840791.